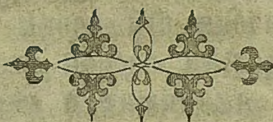
О
ХРАНЕНІИ ЯЗЫКА.

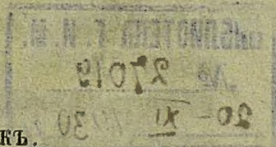
Н. Корсунскаго.

Ярославль.

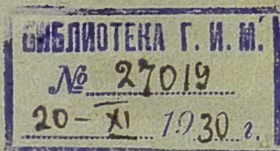
Типографія Г. Фалькъ.

1871.

Извлечено изъ Яр. епарх. вѣдомостей 1871 г. См. часть неоффиц. №№ 6, 7 и 8-й.

Дозволено цензурою.

О ХРАНЕНІИ ЯЗЫКА.

Языкъ огнь, лѣпота неправды, зло неудержимо, исполнь яда смертоносна.

Іак. III, 6,—8.

Ни одинъ, можно сказать, порокъ не распространенъ такъ, какъ худое употребленіе языка. Чтобы видѣть это, не нужно много углубляться, стоитъ только обратиться къ ежедневному опыту. Что составляетъ, по большей части, самый обыкновенный предметъ для разговоровъ, или чѣмъ поддерживается веселость общества? Чрезвычайно живымъ разговоромъ? Такъ. Но собственно живымъ и занимательнымъ разговоромъ становится тотъ, въ которомъ встрѣчается или оцѣнка имени ближняго или сужденіе объ его чести. Вотъ неистощимый предметъ для занятій многихъ и многихъ людей. Вы встрѣтите этотъ порокъ въ городахъ и въ селахъ, въ чертогахъ и хижинахъ, между образованными и необразованными; и люди собственно любящіе добродѣтель часто увлекаются этимъ порокомъ, сами не замѣчая того. Но сколько этотъ порокъ распространенъ, столько-же, къ несчастію, считаютъ его и извинительнымъ, какъ по самой его всеобщности—*кто не согрѣши языкомъ своимъ* (Сир. XIX, 17),—

такъ и потому, что вредъ, отсюда происходящій, не вдругъ становится замѣтнымъ, между тѣмъ какъ языкъ есть сѣмя, отъ котораго разрастается всякое зло, —обильный источникъ, изъ котораго въ различныхъ направленіяхъ текутъ потоки зла, тогда какъ языкъ есть *огнь, лѣпота неправды, зло неудержимо, исполнь яда смертоносна* (Іак. III, 6,-8).

Языкъ данъ намъ для того, чтобы благодарить, прославлять Бога и устроять благо ближняго. Отсюда открывается, какъ высоко естественное достоинство языка; отсюда слово Божіе такъ строго смотритъ на худое употребленіе сего дара, безъ котораго человѣкъ не могъ бы вполнѣ наслаждаться пріятностями жизни, безъ котораго люди никогда не сошлись бы между собою, общества не могли бы не только держаться, но и начаться, и чрезъ который человѣкъ видимо такъ вознесенъ надъ безсловесными. Итакъ по причинѣ высокаго назначенія языка, и по причинѣ ужасныхъ слѣдствій, какія происходятъ отъ необузданія языка, мы должны полагать перстъ на свои уста, чтобъ не умножать грѣховъ, потому что тотъ только *соблюдаетъ свою душу, кто хранитъ своя уста* (Прит. XIII, 3).

Языкъ, назначенный для небесной пищи, хлѣба ангельскаго, долженъ ли находить вкусъ въ пустословіи? Назначенный для прославленія Бога, долженъ ли ниспадать до той степени, чтобы говорить о вещахъ ничтожныхъ? Человѣкъ, любящій говорить много пустаго, не позволяетъ обитать въ себѣ Духу Святому. *Всяко слово гнило*, говоритъ Апостолъ, *да не исхо-*

дитъ изъ устъ вашихъ, и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имъ же знаменастеся въ день избавленія (Ефес. IV, 29, 30). Итакъ кто сказалъ худое слово, тотъ оскорбилъ Святаго Духа. Какимъ же образомъ? Мы называемъ Бога Отцомъ, по природѣ ли? нѣтъ! Сами ли по себѣ заслуживаемъ это право? нѣтъ; оно дается чрезъ Іисуса Христа, по благодати Святаго Духа; только Духъ Божій свидѣтельствуетъ, что мы чада Божіи и настраиваетъ нашъ духъ къ сознанію сыновнихъ отношеній къ Богу. Посему когда взываемъ: Отче нашъ! и когда мысль наша устремляется на небо, къ престолу Всевышняго, и въ тоже время занимаемся суесловіемъ или еще поносимъ брата, не оскорбляемъ ли чрезъ сіе Духа Святаго? Богъ назначилъ уста наши для принятія хлѣба чище ангельскаго, украсилъ ихъ пѣснями серафимскими; но еслибы кто взялъ сосудъ, назначенный для царской пищи и наполнилъ его чѣмъ нибудь нечистымъ, какъ бы онъ осмѣлился поставить его на царскомъ столѣ и предложить въ немъ пищу царю? такъ и съ нашей стороны не будетъ ли дерзостію влагать въ свои уста молитвы, благохваленія, пѣсни серафимскія, когда онѣ полны поношенія, обмана, лжи, нечистыхъ словъ?

Невоздержаніе языка сколько свидѣтельствуетъ о поврежденности сердца, столько же и о пустотѣ ума. Слово есть выраженіе сердца: *отъ избытка бо сердца уста глаголютъ* (Мѳ. XII, 34). Какъ врачъ по языку часто узнаетъ тѣлесныя болѣзни; такъ худое употребленіе языка свидѣтельствуетъ о состояніи серд-

ца. Доброе сердце никогда не можетъ быть источникомъ словъ несправедливыхъ, пустыхъ. Кто находитъ удовольствіе говорить о предметахъ низкихъ и недостойныхъ, явно, что его разсказы и разговоры—признакъ разстроенной воли, худо настроеннаго воображенія, явно, что его сердце погружено въ мутномъ потокѣ; иначе какъ бы онъ могъ получать удовольствіе отъ такихъ словъ? Такимъ образомъ *исходящее изъ устъ скверниша человѣка* (Мѳ. XV, 11), и *языкъ малъ удъ, а скверниша все тѣло* (Іак. III, 5, 6). И какъ пчелы не влетаютъ въ сосудъ нечистый, потому что онѣ садятся только на цвѣтахъ благовонныхъ; такъ душа наша и самое тѣло, сквернимыя чрезъ языкъ, не могутъ быть вмѣстилищемъ, сосудомъ дарованій духовныхъ, потому что только *устнѣ разумны—сосудъ честенъ* (Прит. XX, 15).

Говорливость безъ нужды, какъ сѣмя безъ плода, соль, негодная ни къ чему, безплодная сама, дѣлаетъ безплодными и слушающихъ, и ничего болѣе не доказываетъ кромѣ пустоты ума. Кто любитъ много говорить, тотъ прежде всего дѣлается ниже самаго себя, обращая себя въ какого-то шутника, который, увеселяя подобныхъ себѣ, унижаетъ достоинство природы человѣка, потому что онъ долженъ принимать на себя различные виды, чтобъ быть занимательнымъ, дополнять движеніями то, что само по себѣ не занимательно, чтобъ возбудить чрезъ это улыбку въ другихъ; но такое занятіе достойно ли человѣка—христіанина? А привычка къ такому занятію, укореняясь все болѣе и болѣе, производитъ разстройство въ душѣ, отъ

словъ доводитъ до самыхъ дѣлъ; слова — цвѣты, дѣла — плоды. Такъ невинная, повидимому, удободвижимость языка, въ юности выражавшаяся только въ шуткахъ, мужество располагаетъ къ обманамъ и вѣроломству, старость къ пересудамъ, поношенію и клеветамъ. Такимъ образомъ малый сначала пламень превращается въ большой, малая вѣтвь разрастается въ лѣсъ, капля разливается потокомъ, и здѣсь сбываются слова Премудраго: *устнѣ безумнаго потопятъ его* (Еккл. X, 12).

Между тѣмъ тотъ, кто хранитъ свой языкъ, заявляетъ о себѣ этимъ самымъ какъ о человѣкѣ мудромъ и совершенномъ. *Аще кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей совершенъ есть мужъ* (Іак. III, 2; сн. Сир. XIX, 28). Какъ человѣкъ, разборчивый въ пищѣ, выбираетъ что ѣсть и что пить, дабы не принять чего-либо вреднаго для здоровья; такъ и мудрый обсуждаетъ свои мысли, выбираетъ слова, и даетъ имъ сначала созрѣть на своихъ устахъ, чтобы словомъ не повредить ни себѣ, ни другимъ. Такой человѣкъ *силенъ обуздати и все тѣло* (Іак. III, 2), потому что въ немъ умъ, значитъ, всегда строгій, который недремлющимъ окомъ назираетъ за всѣмъ, замѣчаетъ всѣ входящіе помыслы, отражаетъ и истребляетъ дурные изъ нихъ. А если какіе либо злые помыслы уже вкрались въ душу, и тутъ онъ находитъ средства истреблять ихъ. Когда хищныхъ звѣрей запрутъ въ клѣтку, держатъ въ ней долгое время и томятъ голодомъ, то они естественно сначала теряютъ свою лютость, а потомъ умираютъ; такъ и мудрый чрезъ воздержаніе языка от-

нимая, такъ сказать, пищу у своихъ дурныхъ помысловъ, которые иногда возникаютъ въ душѣ, тѣмъ самымъ разсѣкаетъ и истребляетъ ихъ. Онъ знаетъ, что врагъ ходитъ вокругъ насъ, осматриваетъ, испытываетъ, нѣтъ ли въ тѣлѣ какой либо части менѣе надежной и крѣпкой, чрезъ которую онъ могъ бы вторгнуться внутрь, знаетъ и то, что языкъ самая слабая часть тѣла, посему прежде всего и старается держать оный на стражѣ, чтобъ сохранить и все тѣло (Іак. Ш, 2), и достигаетъ этого. Итакъ кто сдерживаетъ свой языкъ, тотъ умѣетъ владѣть своими страстями, управлять собою; гдѣ воздержаніе языка, тамъ и другія добродѣтели: любовь, кротость, миръ. Посему-то Премудрый и обѣщаетъ благоденствіе тому, кто обуздываетъ языкъ; *обуздавай языкъ, тихомирно поживетъ* (Сир. XIX, 6).

Но что сказать объ языкѣ необузданномъ? Нельзя изобразить его лучше того, какъ сдѣлалъ это Апостолъ; онъ *есть огнь, лѣпота неправды, зло неудержимо, исполнь яда смертоносна* (Іак. Ш, 6,—8).

Языкъ огнь. Большая часть грѣховъ происходитъ отъ словъ. Языкъ производитъ хулы, ругательства, клятвопреступленія, лжесвидѣтельства, буйства. Одно слово часто раждаетъ убійства и разрушаетъ цѣлые города. *Языкъ трегубый и грады тверды разори, и домы преврати* (Сир. XXVIII, 16, 17). Особенно во враждѣ языкъ, какъ огонь, жадно пожираетъ все, что въ него ни бросаютъ, и даже то, чѣмъ прежде гасили, теперь его только еще болѣе воспламеняетъ; во враждѣ каждое слово слу-

житъ пищею этому пламени, дышетъ новымъ зломъ, приводитъ въ большее неистовство, и даже то, что сказано было просто, во враждѣ представляется новымъ, нестерпимымъ оскорбленіемъ.—*Языкъ огнь.* Чрезъ языкъ выражается гордость, зависть, ненависть; языкъ служитъ причиною безчисленныхъ бѣдствій, производитъ непрестанныя ссоры и вражду, разрываетъ дружбу, возбуждаетъ гнѣвъ, ярость, возмущаетъ цѣлыя общества, раззоряетъ благо, созданное любовію, ежедневно изгоняетъ любезный Богу миръ; *уста, уста непокровенна творятъ всякое нестроеніе* (Прит XXVI, 28). Посему-то Іисусъ Христосъ истребляетъ самые корни и источники сего зла, когда за одно оскорбительное слово, сказанное брату, угрожаетъ геенною (Мѳ. V, 22). *Вси пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ* (Мѳ. XXVI, 52); языкъ огнь, огнемъ и накажется.

А сколько производитъ языкъ разрушительныхъ дѣйствій, когда выражается чрезъ него соблазнъ! Гдѣ злой, порочный языкъ, тамъ непремѣнно порча, разрушеніе. Дурные разговоры не могутъ не портить другихъ. Если кто дойдетъ до такой степени неуваженія къ другимъ, что, находясь гдѣ нибудь въ обществѣ, не посовѣстится дѣлить съ нимъ своихъ остротъ, соблазнительныхъ словъ; то найдутся такіе, которые слова его примутъ за упрекъ собственному ихъ поведенію; найдутся другіе, въ душѣ которыхъ слова его произведутъ безпорядки, до которыхъ они могли дойти, но еще не доходили; найдутся и такіе, въ сердца коихъ, еще невинныхъ, слова его въ первый разъ вольютъ

ядъ, который тѣмъ опаснѣе, что незамѣтенъ; и тѣмъ болѣзненнѣе, что оставитъ въ душѣ раны, которыя нужно будетъ лечить долго или во всю жизнь. Не огонь ли это? Искра ненависти, искра соблазна брошена; заботиться болѣе уже не нужно; примѣры дадутъ ей пищу, обстоятельства усилятъ, пламень расширится, огонь распространится далеко, пожаръ будетъ ужасный. А все это произвелъ языкъ; *языкъ огнь*, палитъ, истребляетъ, пожираетъ, безобразитъ все, что есть на землѣ лучшаго. *Аще раздражится ярость его, съ жилами человѣки губитъ, даже кости человѣческія поядаетъ, и сожигаетъ яко пламень* (Прит. XXIV, 22).

Языкъ лѣпота неправды. Другой болѣе ужасный вредъ невоздержнаго языка есть клевета, которая уязвляетъ ближняго относительно его славы. Это бываетъ тогда, когда кто нибудь или не терпитъ доброй славы ближняго, или по личной ненависти къ нему, или думая возвыситься на его счетъ, или просто изъ желанія прослыть занимательнымъ и остроумнымъ изощряетъ, по словамъ пророка, языкъ свой, какъ мечъ, напрягаетъ, какъ лукъ (Псал. LXIII, 4), мститъ ближнему языкомъ, играетъ его славою. Когда языкъ дѣйствуетъ открыто, онъ не такъ еще опасенъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, какъ отъ хищнаго звѣря, можно отъ него укрыться, но языкъ коварный, дѣйствующій втайнѣ, — зло ужасное, неотвратимое, — *лѣпота неправды, зло неудержимо*. И то худо, если кто говоритъ о ближнемъ безъ злаго намѣренія, занимаетъ другихъ невиннымъ, повидимому, сужденіемъ о ближнемъ. Сказать что

нибудь, конечно, дѣло неважное; но важны слѣдствія слова. Пусть что нибудь сказано не изъ зависти, не изъ ненависти къ ближнему; но и одного неосторожнаго слова достаточно, чтобъ распустить о ближнемъ худую славу, и одинъ намекъ можетъ поселить въ слушающихъ подозрѣніе на счетъ другаго и отравить его спокойствіе. Легкомысленные и вообще клеветники, когда ихъ обличатъ, извиняются тѣмъ, что они говорили не съ злымъ намѣреніемъ, а такъ, изъ шутки: *коварствующіи надъ други своими, егда увидѣни будутъ, глаголютъ, яко играя содѣяхъ* (Прит. XXVI, 19). А ближнему развѣ легче отъ того, что мы не съ злымъ намѣреніемъ, а по легкомыслію и неосторожности сдѣлали честь его подозрительною въ глазахъ другихъ? Когда въ нашемъ отсутствіи что нибудь сказали о насъ, какъ мы безпокоимся! Разыскиваемъ, по какому поводу было это сказано, не крылось ли тутъ чего нибудь, не унизили ли насъ, а о другомъ сказать что нибудь не считаемъ важнымъ. Чѣмъ же теперь извиниться, когда умышленно разсказываемъ о порокахъ ближняго, разсказываемъ тайно, прикрашиваемъ исторію чрезъ это и выставляемъ ближняго не такимъ, какимъ онъ есть? Но таковъ языкъ—*лѣпота неправды*, таково свойство клеветы, которая по словамъ одного святаго, „есть исчадіе ненависти, піявица, высасывающая и истребляющая кровь любви" (Іоан. Лѣств. степ. 10, стр. 62). *Мерзость Господеви невоздержни языкомъ* (Прит. XXVII, 20). *Шепотника и двоязычника подобаетъ кля-*

сти: многихъ бо мирныхъ погубиша (Сир. XXVIII, 15). Кромѣ того, что злоязычники -мерзость предъ Богомъ, и тотъ кто худо говорить на счетъ ближняго проклятъ, и само по себѣ ясно, что нѣтъ ничего ниже и недостойнѣе, какъ сдѣлаться обвинителемъ подобнаго себѣбезъ всякой побудительной причины. Открытый врагъ, нападающій на человѣка и убивающій его, имѣетъ въ виду, по крайней мѣрѣ, добычу, а здѣсь больше ничего не видно, кромѣ удовольствія сказать о ближнемъ худое слово. Но у клеветника на все есть свои причины и оправданія. Онъ говоритъ, что дѣлаетъ это по любви къ брату, изъ желанія исправить его, по ревности къ истинѣ и даже къ славѣ Божіей. Но поселять въ слушающихъ подозрѣніе на счетъ ближняго, отыскивать въ немъ недостатки, умышленно указывать на извѣстныя обстоятельства, гдѣ особенно страдаетъ доброе имя ближняго, обвинять безъ доказательствъ, по однимъ слухамъ, часто по одной догадкѣ, можно ли назвать это любовію? Любовь услаждается ли зломъ? „Не помазавый языка ядомъ и ушей клеветою, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, только таковый дара любовнаго исполнь есть“ (Ефр. Сир. Слово 78, стр. 164). Любовь, напротивъ, повелѣваетъ прикрывать недостатки ближняго терпѣніемъ и снисходительностію; *любы долготерпитъ, милосердствуетъ* (1 Кор. XIII, 4). Кто истинно любитъ ближняго, если и въ судъ позовутъ его, онъ и тамъ говоритъ только то, о чемъ спрашиваютъ, говоритъ уже по необходимости, показываетъ только то, что несомнѣнно самъ видѣлъ, и сожалѣетъ, что сдѣлался невольнымъ обвините-

лемъ своего ближняго, хотя и въ дѣлѣ чистомъ; хотя невиненъ предъ людьми и правъ предъ Богомъ. А клеветникъ самъ вызывается въ обвинители, когда его къ тому не обязываютъ, разсказываетъ, когда не спрашиваютъ, разсказываетъ то, чего не бывало, и разсказываетъ съ видомъ какого-то самодовольствія и какъ бы хочетъ восхитить первенство и похвалиться честію, что онъ нашелъ своего брата виновнымъ прежде всѣхъ, успѣлъ напередъ всѣхъ подмѣтить въ немъ худую черту. И гдѣ же здѣсь любовь? Не видно и тѣни ея. ,,Если говоришь, замѣчаетъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, что любишь ближняго, то молись за него втайнѣ, а не терзай чести его" (ст. 10, стр. 62). Напрасно сталъ бы клеветникъ хвалиться и любовію къ истинѣ; истина, сказанная не въ своемъ мѣстѣ и не въ свое время, есть характеръ злаго доноса и есть осужденіе закона, по словамъ Апостола Іакова (IV, 11). Да если кто-либо и въ самомъ дѣлѣ такъ правдолюбивъ, что не можетъ равнодушно смотрѣть на недостатки ближняго, то зачѣмъ нападать на него въ отсутствіи, когда этотъ ничего не подозрѣваетъ, не можетъ ни защититься, ни оправдаться, даже не знаетъ, въ чемъ ему исправиться? Зачѣмъ, скажемъ словами Боговдохновеннаго пѣвца, явно—*языкъ твой сплеташе лъщенія, а тайно сѣдя на брата твоего клеветалъ еси* (Псал. XLIX, 20)?

Не можетъ извиниться клеветникъ и ревностію о славѣ Божіей и благочестіи. Должно помнить, что ревность о славѣ Божіей довольствуется тѣмъ, что скорбитъ о порокахъ ближняго тайно, и что благочестіе не даетъ права

вмѣшиваться не въ свое дѣло. И вовсе не любовію къ ближнему и не ревностію о славѣ Божіей водится клеветникъ. ,,Клеветникъ, говоритъ св. Ефремъ, имать вся вкупѣ, клеветаніе, шептаніе и ненависть" (сл. 78 о клев. стр. 164). Если онъ ниже того, на кого клевещетъ, то очевидно его желаніе; онъ хочетъ возвыситься на счетъ другаго и, если можно такъ выразиться, ползкомъ взобраться на мѣсто другаго, которое почетнѣе и виднѣе; если же и выше, и тутъ есть побужденіе для клеветника; онъ хочетъ, чтобъ его имя стояло всегда первымъ, чтобъ ему блистать, какъ первой звѣздѣ между черными и темными пятнами. Ненависть и злоба—вотъ побужденія для клеветника, какъ объ этомъ разсуждаетъ и св. Златоустъ. ,,Есть люди, говоритъ онъ, которые, подобно извѣстнымъ животнымъ, не лаютъ на проходящихъ, даже ласкаются, показываютъ видъ кротости; и вотъ какъ скоро не опасаются, что въ нихъ бросятъ камнемъ, бросаются и впиваются своими зубами. Это языки неправедные, это клеветники, гораздо опаснѣйшіе тѣхъ, которые возбуждаютъ открытую вражду. Посему то, продолжаетъ св. Отецъ, Апостолъ и говоритъ: *всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличь, и хула да возмется отъ васъ со всякою злобою*" (Еф. IV, 31; Бес. XV на IV гл. посл. къ Ефес.).

Языкъ зло неудержимо. Слово вылетѣло, нашлись любопытные слушатели, передаютъ одинъ другому, одинъ проповѣдуетъ вездѣ и всѣмъ явно, другой разсказываетъ за тайну, молва увеличивается, распространяется, и то, что бы-

ло сначала пустымъ словомъ, тайною, только клеветою, принимаетъ видъ истины, полагаетъ неизгладимое пятно на честь ближняго, — и вотъ языкъ дѣлается источникомъ *зла неудержимаго*. Другіе грѣхи еще можно исправить, раны можно залечить; но какъ возвратить сказанное слово и тысячу разъ повторенное другими? Чѣмъ дальше это слово идетъ, тѣмъ больше каждый къ нему прибавляетъ по своему вкусу, по своимъ страстямъ; развратный скажетъ: я самъ видалъ его посреди разврата; сребролюбецъ замѣтитъ: и я видалъ у него груды золота. И такимъ образомъ изъ одного слова составятъ цѣлую исторію о порокахъ ближняго, и одного слова достаточно, чтобы отравить спокойствіе ближняго. Мало того, — языкъ причиняетъ смерть, такъ что по словамъ Премудраго *смерть и животъ въ руцѣ языка* (Прит. XVIII, 21). И справедливо. Кто не обуздываетъ языка, тотъ бываетъ почти всегда и всѣмъ недоволенъ, недовольство доводитъ до вспыльчивости, вспыльчивость скоро переходитъ въ гнѣвъ, гнѣвъ пораждаетъ хулу, злыя, оскорбительныя слова, за симъ слѣдуетъ дерзость, тутъ доходитъ дѣло до ударовъ, удары причиняютъ раны, а раны — смерть, и такимъ образомъ *уста дерзостная призываютъ смерть* (Прит. XVIII, 6). А если неумѣющій сдерживать свой языкъ встрѣтитъ подобнаго себѣ, на что они могутъ рѣшиться? до чего не могутъ дойти? „Кажется, что каждый изъ нихъ, какъ сказалъ св. Василій Великій, готовъ бы весь свѣтъ сжечь, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ только уничтожить своего противника“. Разлившійся потокъ ссоры, уничтожая против-

никовъ, не всегда ограничивается только ими, но часто уноситъ съ собою еще столько лицъ, сколько поссорившіеся имѣютъ у себя кровныхъ и друзей; такъ что сбываются слова Апостола: *языкъ малый огнь, а сколько сожигаетъ* (Іак. III, 5)!

Впрочемъ не только то лицо, которое сдѣлалось предметомъ поношенія или клеветы, дѣлается несчастнымъ; но и дерзость языка получаетъ достойную себѣ награду. Такъ напр. клеветникъ поколику его языкъ *зло неудержимо*, постольку его не хотятъ держать въ обществѣ, и его языкъ для него самаго дѣлается источникомъ золъ неизбѣжныхъ и неистощимыхъ; каждый боится, чтобы жало его языка не обратилось на него, и потому всѣ отъ него удаляются, никто не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла. „Кто любитъ клеветать, сказалъ одинъ учитель Церкви, чернить славу ближняго, съ тѣмъ не должно садиться за столъ, и не только не вступать съ нимъ въ сообщество, но и отгонять отъ себя, какъ проказу" (Авг. рѣчь къ брат. въ пуст. Том. XVII, стр. 2072). И пророкъ Давидъ хвалился своею ненавистію къ клеветникамъ: *оклеветающаго тай искренняго своего*, говоритъ онъ, *сего изгоняхъ* (Псал. С, 5), и молился, чтобы Господь избавилъ его отъ клеветника, какъ отъ величайшаго бѣдствія: *избави Господи душу мою отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка льстива* (Псал. CXIX, 2). Ибо ничто столько не возмущаетъ обществъ, какъ языкъ клеветника; языкъ, питающійся клеветою, есть зло общественное, бросаетъ вредныя сѣмена для цѣлаго общества; *языкъ трегубый мно-*

ги потрясе, и грады тверды разори, и домы преврати (Сир. XXVIII, 16, 17); и ничто столько не истребляетъ любви и дружбы, какъ языкъ клеветника, который доводитъ до того, что люди, находившіеся прежде въ самой тѣсной дружбѣ, начинаютъ питать другъ къ другу непреодолимое отвращеніе и непримиримую вражду. Кто бросаетъ камнемъ въ птицъ,—онѣ улетаютъ: кто поноситъ друга—расторгаетъ дружбу. Если извлечешь мечъ на друга, говоритъ Премудрый, не отчаявайся, еще можно возвратить любовь; но ради *поношенія и откровенія тайны и язвы лестныя, сихъ ради отбѣжитъ всякъ другъ* (Сир. XXII, 23, 24, 25). Посему клеветникъ, какъ возмутитель общественнаго спокойствія и врагъ мира и любви, справедливо наказывается всеобщимъ презрѣніемъ. *Сквернитъ душу свою шепотливый, и гдѣ либо жити иматъ, возненавидѣнъ будетъ* (Сир. XXI, 31). И Апостолъ говоритъ: *шепотники, клеветники богомерзки* (Римл. I, 30).

Языкъ исполнъ яда смертоносна. Языкъ мечъ острый (Псал. LVI, 5), и тѣмъ опаснѣйшій, что наноситъ раны незамѣтно. Его похвалы подозрительны, одобренія льстивы. Таковъ языкъ низкаго льстеца, коварнаго клеветника. Тѣ пожары опаснѣе, которые кроются внутри, подъ пепломъ; тѣ раны неизлечимѣе, которыя не показываются на поверхности тѣла; посему безопаснѣе явная брань, открытая война, нежели языкъ льстеца и клеветника; тамъ по крайней мѣрѣ сказанъ поводъ, представлены достаточныя причины къ брани, съ уничтоже-

ніемъ коихъ и самая брань прекращается; а коварный показываетъ видъ самой непринужденной кротости и доброты, услаждаетъ словами, пріятно обходится, а самъ разставляетъ сѣти, и только ждетъ удобнаго случая, чтобъ уловить неосторожнаго и довѣрчиваго; *устнама своима усладитъ, и много пошепчетъ, и речетъ добро глаголя: очима своима прослезится, а сердцемъ своимъ усовѣтуетъ вринути тя въ ровъ, и егда обрящетъ время, не насытится крове* (Сир. XII, 15). Онъ подобенъ жалу змѣи, кроющейся подъ прекрасными, душистыми цвѣтами, которая язвитъ человѣка во время сна; *языкъ его языкъ змгинъ, ядъ аспида подъ устнами его* (Псал. CXXXIX, 3). Языкъ его ужаснѣе и вреднѣе, нежели мечъ въ рукахъ безумнаго, который поражаетъ только тѣхъ, которыхъ видитъ; языкъ же проникаетъ и въ отдаленныя мѣста, отравляетъ спокойствіе ближняго незамѣтно, чернитъ славу тайно, губитъ нечаянно. Много видалъ, говоритъ Премудрый, много видалъ я ненавистнаго подъ солнцемъ, *многая возненавидѣхъ;* но ничего не видалъ и не находилъ ненавистнѣе языка коварнаго клеветника, ничего *не обрѣтохъ подобна ему* (Сир. XXVII, 27).

Таковъ языкъ необузданный и таковы его плоды! *Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти* (Псал. XXXIII, 14).

